

Только тогда шаги твои уверенны

Нужно трудиться, плоды будут

Прошлый сельскохозяйственный год у нас в Башкортостане, по оценкам специалистов, был относительно благоприятным. Я, как журналист и как человек, гражданин, искренне радуюсь успехам нашего сельского хозяйства. И причиной тому, думаю, Чувство Земли, которое укоренено в нашем народе испокон веков. Оно до сих пор еще живо в нашей крови. Тому свидетельство — неподдельное переживание нашего соотечественника при виде заброшенных, покрытых сорняками полей на месте, где раньше колосились рожь или пшеница. А вид зрелых колосьев дает человеку надежду, укрепляет веру в будущее. Испытываешь неудержимое желание войти в высокий, ароматный кукурузный «лес»! И приятная желтизна тюбетеек подсолнечника в душах наших зажигает Солнце...

И этому Чувству Земли способствуют и сегодняшние экономические санкции в отношении России со стороны западных государств. Имею в виду то, что в последние годы в стране необдуманно стремились к излишне легкой жизни, не утруждались особо, возлагая надежды на импорт продуктов.

Поэтому смену отношений с Западом следует, видимо, расценивать как в широко известной поговорке о том, что иногда обретению счастья несчастье помогает. Мне кажется, сегодня у российского человека вновь просыпается и обретает силу тот первобытный инстинкт, который я уже назвал «Чувством Земли». И мои слова возможно будут восприняты, как пропаганда из советского прошлого, но я хочу воззвать: пусть это чувство зовет крестьянина на поле, к новым трудовым свершениям.

Ибо неправильно жить в самой большой, с лучшим черноземом, стране и кушать продукты, выращенные где-то далеко, возможно, в не самых лучших условиях: без солнечных лучей, без живительных капель дождя. Во-первых, выращенное на родной земле полезнее для организма, во-вторых, ни от кого не зависишь, в-третьих, создаются дополнительные рабочие места, растет социальная защищенность.

Трудящийся человек и в глаза окружающим смотрит смело, не прячет их ни от кого. Помните, как дружно одобрили поступок министра иностранных дел, когда он подарил корзины с отечественным картофелем и помидорами госсекретарю США. Открытый намек, что никакие запреты нам не помеха, голодать всяко не будем.

Совсем без импорта товаров тоже не обойтись, разумеется. Потому что человек, особенно наш современник, не может ограничиваться только хлебом. Он нуждается и в экзотических плодах, которые у нас в стране не произрас-

тают. А вот завоз овощей, которые издавна выращивали на Руси, из-за границы никак не оправдан. Импортные огурцы дешевле? А хоть бы и так. Это же задача выполнимая: увеличится предложение и наши цены пойдут вниз. Овощей больше выращивать надо. Проблемы, конечно, есть, куда без них: дело ведь не заканчивается только уборкой, надо и хранить, перерабатывать и т.д. Но и они решаются. Например, тем, кто будет строить овощехранилища, государство выделяет субсидии. Надо только работать, участвовать, подавать заявки, доказывать, что ты — настоящий хозяин. Хозяин, у которого есть это великое Чувство Земли.

Слово твое необходимо

— Каково, по-вашему, современное положение писателя? — спросили меня однажды.

— В вопросе, если я правильно понял, упор больше делается на материальную сторону. Если так, то все и так очевидно: как у всего российского народа. То есть, не очень. Писатель, поэт, драматург, если он мужчина, он еще и глава семьи, основной кормилец. И до боли в сердце обидно, когда «творец» не пьет, не курит, каждый день исправно ходит на работу, служебные обязанности выполняет на «отлично», а вот квартиры своей до сих пор не имеет. Ну, вот такой он, бесконечно просить не хочет, один-два раза отказали, дальше, возможно, и гордость не позволяет. Качества, благодаря которым некоторые люди быстро решают свои бытовые вопросы, у него отсутствуют. Да, не от мира сего он. Потому и творческая неординарная личность.

Кстати, когда речь заходит о трудовых отношениях, старшее поколение вспоминает советские времена, дескать, тогда литераторы на работу не ходили, а писали свои книги дома или в домах творчества. И никаких бытовых проблем не испытывали. На гонорары могли приобрести даже кооперативную квартиру или автомобиль. Таких творцов было немного, конечно, но были же. Т.е. государство обеспечивало писателям комфортную жизнь и требовало взамен писать по госзаказу. И в этом, мне кажется, ничего зазорного нет. Нет, потому что государство ведь не просило писать плохие вещи. Даже когда создавались произведения с идеологической подоплекой, на первый план выдвигались нравственность, человечность, искренность, беззаветная любовь и другие, вечно не устаревающие, актуальные по сей день ценности. Однако это правильно, когда не противоречит твоим убеждениям. Если противоречит, думаю, не надо надеяться на высокое качество произведения. Тогда это — лишь способ подзаработать денег.

Так, начав с материального положения писателя, перешли к его творческому состоянию. Итог такой: если есть в голове мысли, в душе желание, невзирая ни на какие бытовые неурядицы, твори, поскольку твое слово необходимо обществу, твоему народу. И превосходно, когда мысли эти, желания, думы соразмерны с удобствами, ибо маленькая квартира, по моему мнению, приводит и к узости творческого горизонта.

— Ваше мнение по поводу издания книг?

— Естественно желание писателя видеть свой труд в форме изданной книги. Если работу руководителя сельхозобъединения оценивают по достигнутому

показателям в центнерах, тоннах, то писателей — по изданным книгам. И на самом деле, состоишь членом Союза писателей, печатаешься в периодике, но в тупик ставит простой обывательский вопрос: «Сколько у вас книг?» Если со словами: «Пока ни одной», — виновато опускаешь голову, одни могут пожалеть, другие даже какие-то нехорошие выводы сделать. Поэтому, и не только по этой причине, книги нужны, безусловно. Это хорошо понимает и наше главное в республике издательство «Китап». Понимает и само частенько остается между двух огней: с одной стороны, рукописи все поступают и поступают, с другой — госсредства сильно ограничены. Литераторы обижаются, бывает и с бумагами «сверху» идут, но, по моему мнению, предприятие и в нынешних рыночных условиях еще в силах обеспечивать равенство и качество.

Кстати, насчет заказа государством литературных проектов. Они ведь и сейчас есть: ежегодно принимаемые тематические планы, которые проходят жесткий контроль, и есть госзаказы, правительство выделяет деньги на выпуск произведений определенного содержания и жанра.

И то, что издательство, в целях в том числе и увеличения количества авторов, наладило производство электронных книг, нужно, видимо, только приветствовать. Старшее поколение не очень это одобряет, однако не стоит отказываться от такого, несопоставимо дешевого способа выпуска книг. Ведь сейчас никто не «стучит» на печатающей машинке, печатаем на компьютере, даже очень пожилые люди носят в карманах не только смартфоны, но и планшеты. И фотокарточки мало кто печатает на бумаге, они хранятся в электронном виде и это устраивает всех: и дешевле, и места меньше занимает. Электронные книги я и сам читаю. Особенно те, которые выпускаются не у нас в республике. Потому что бумажные, в отличие от продукции «Китапа», стоят очень дорого. Опять-таки места много не занимают. С собой брать удобно.

Хотя нет... Здесь аналогия с фотографиями, наверное, неверная. Книгу, особенно собственного сочинения, хочется не только видеть, но и физически ощущать. Чувствовать ее запах — этаким аромат, синтез из благовония бумаги, краски, металла. И бумажная книга не прекратит, конечно, полностью свое существование.

— Что для вас Союз писателей?

Мне несколько лет назад посчастливилось быть принятым в наш профессиональный союз, что автоматически дает право быть членом и российской писательской организации. Очень высоко оцениваю активное участие нашего союза в общественной жизни республики и страны. В 2010 году в эфире БСТ меня спросили: «Является ли членство в Союзе для Вас новой ступенью?» Я слово «ступень» взял под сомнение, потому что оно подразумевает рост, развитие. Предложил бы назвать это шагом. Очередным. Шагом вперед. Есть шутка о том, как человек, став, наконец, членом Союза писателей, может теперь и не писать... На самом деле нужно творить и творить, это ведь не заключение контракта игрока со спортивным клубом, здесь у тебя нет права выхода из него. Де-юре есть, а де-факто это означает, должно означать, уход и из литературы вообще. Писатели не должны «хлопать дверью», ибо на их

плечах лежит большой, тяжелый, но почетный груз. И это для меня не просто декларация. Я за то, чтобы главную ценность каждого народа, которой является его слово, язык, правильно употребляли, по мере возможностей развивали все люди, вне зависимости от профессии, занимаемой должности, социального статуса, образования, чтобы соблюдали ее в чистоте, холили и лелеяли, но до такой прекрасной жизни мы еще, к сожалению, не дожили. А пока что одни из главных, кто следит за этим, — писатели, журналисты. И хорошие читатели нужны, разумеется, требовательные читатели. И тут уже мы говорим о гражданской ответственности каждого.

А на вопрос я ответил коротко:

— Несмотря на то, что это общественная организация, она имела и частично имеет очень серьезный статус. И надо сохранять его в будущем. Мне кажется, это будет поддерживать не только писателей и поэтов, но и саму литературу. А авторитет у союза есть. Хотя членство не сулит никаких материальных благ, знаю многих творцов, мечтающих вступить в наши ряды. Удостоверение не добавляет творческих способностей, однако усиливает ответственность его обладателя перед обществом.

Вопросы и ответы

Я постоянно обращаюсь к людям с вопросами. Работа у меня такая. И потом, почему бы не спросить, если возможность такая имеется. Некоторые ответы известны заранее, тем не менее я спрашиваю, поскольку ответы должны прозвучать не от меня, а из уст моего собеседника. Я не стану тут пространно рассуждать о том, как сложно сформулировать неподготовленному человеку вопрос, чтобы, во-первых, получить достойный ответ, а не ухмылку, во-вторых, не уронить публично престиж профессии. Особенно в кругу коллег по цеху, пуще всего в условиях, когда времени предельно мало и надо сконцентрироваться.

Однако не всегда бываю в роли работника правоохранительных органов с классическим «Здесь вопросы задаю я!», иногда и самому приходится отвечать. Да нет, чаще чем иногда. Чему я, кстати, никогда не противлюсь, потому что жизнь ведь многогранна, должна быть и такой. И очень хочется заглянуть, образно говоря, и по ту сторону Луны. Да и полезно интервьюеру ощутить себя на месте интервьюируемого. Полезно, ибо видишь свои недочеты. На днях на каком-то из центральных телеканалов шел репортаж. Но не сказать смешной, потому что все серьезно было. В кадре была только молодежь. Сначала, как обычно, интервьюировал репортер, затем микрофон оказался в руках бойкой девушки. И уже она обратилась к нему:

— Что вы здесь делаете?

— Готовлю сюжет для новостей.

«Со стороны кажется, что журналист, писатель, вообще любой творческий человек всегда находится в глубоких раздумьях. Относится ли это к Вам тоже? Если да, то не мешает ли это в жизни?» — спросили меня на одной из встреч со студентами.

«Да, относится. И мешает, и не мешает», — ответил я.

Тогда выразился коротко, но сейчас напишу подробнее. Должно относиться, думаю, иначе какая же это творческая натура? Я не очень понимаю, как можно писать, говорить, рисовать, снимать и т.д., находясь лишь в рамках должностной инструкции, в распорядке дня, в каких-то там графиках? Думаю, тяжело создать что-то путное в какое-то выделенное для этого по работе время — час, день, месяц. Надо заниматься творчеством всегда, в любое время.

Каждый приходит в этот мир со своей миссией. Не надо лезть из кожи вон, чтобы перейти из лирики в физику. И наоборот тоже, а то приходилось слышать, как пугал один далекий от сочинительства человек, что сядет и напишет книгу. Прощу, не надо этого делать! Когда люди чересчур заинтересованы в богатстве, деньгах, все остальное для них мелочи, недостойные их внимания. Например, предприниматель, занимающийся продажей леса. Давно махнул он рукой на народное поверье, что дерево может и обидеться, если у него не попросить согласия, не убедить, что валит он его по острой жизненной нужде. И через какое-то время приходит печальная весть о трагической гибели этого мелкого своего рода предпринимателя прямо на рабочем месте. Тут напрашивается, возможно, наивный вывод с союзом «если». Если бы он знал меру, не переводил бы все в кубометры, а смотрел бы на деревья, в том числе, и как на бесценный дар природы, любовался бы ими, прожил бы намного дольше.

— О-о-о, какие там леса красивые! — рассказывал мне на днях один. Мой знакомый удивил, поскольку я до этого не знал его таким ценителем природы.

— Да, сейчас — самое то. Ходить по опавшей сухой листве, ох, как... — начал было я с удовольствием говорить о своем самом, пожалуй, любимом времени года, а тот не захотел и слушать:

— Листва листвою, а вот сосны там отличные. Не слышал, может, кто продает сруб там подешевле?

И ответ, который мой знакомый, перебив меня, выразил коротко, даже жестко, и заданный им же следом вопрос все поставили на свои прежние места: люди, в основном, не меняются.

Дело не в том, конечно, что лес не надо использовать. Наоборот, нужно. Чтобы, он не переставался, не превращался в какую-то непролазную чащу, в источник фитоболезней. Но надо рубить как положено: не без спроса и ответственно. Здесь я подчеркиваю смысл двух последних слов, о которых веду речь с самого начала статьи — вопрос и ответ.

А вообще, думать ведь свойственно любому человеку, мы созданы такими. Каждый пусть думает. И не только о том, как кого обмануть. О жизни. Пусть пофилософствует. Неврологи не зря же утверждают, что это для здоровья полезно: мы же примерно представляем состояние нашего головного мозга при мыслительном процессе, в это время в него полезных веществ поступает гораздо больше. Ненаучно выразился, конечно, но приблизительно так.

Хорошо, если научимся ценить людей не по площади его жилья, количестве лошадиных сил под капотом, высоты занимаемой должности, хотя все перечисленное — тоже результат умственного труда. В то же время неправильно,

когда человеку начинают задавать вопрос относительно того, почему он все еще не купил иномарку? Быть может, ему это и не надо вовсе.

Тут важно, чтобы и вопросы, и ответы были ответственными.

Пусть их будет меньше

Поговорим о детях-сиротах, об их судьбе. Тут перед словом «судьбе» так и просится прилагательное «незавидной» или еще какое, посильнее, однако не вставлено и вот почему. Потому что лучше, когда некоторые нерадивые родители лишены этого великого права, чем когда они совсем не ощущают ответственности на своих плечах. Лучше, когда эту роль выполняет государство. Или ближайшие родственники. И это, наверное, правильнее. Часто приводят в пример иные южные российские республики, утверждая о том, что там нет ни одного детского дома, ибо никто никого туда не хочет сдавать. Мы что же, хуже, мы такие безнравственные? Естественно, нет. Наши души чисты, сердца гуманны, тем не менее, сирот, которых воспитывает государство, еще много. Их стало меньше, это да, несколько детских домов у нас закрылись, но еще очень рано говорить об их полном упразднении за ненадобностью.

Государственная помощь необходима, но не кажется ли вам, что мы чрезмерно полагаемся на государство? В жизни всякое бывает, да, никто не застрахован, однако все же несправедливо, когда родители нигде не работают, беспробудно пьянствуют, еще и жалуются на бытовые неудобства, выставляя вперед многочисленных детей, шумно требуют от местной администрации квартиру. Несправедливо, но таких примеров много. Вот и берет государство бедных малышей под свою опеку. Однако и оно не может вечно их содержать. Ребенок достигает совершеннолетия и из общего, теплого, сытного дома выходит в открытое море жизни. И, чтобы хоть как-то защитить его от холодных, совсем неприветливых волн этого моря, государство старается обеспечить его работой, жильем. А мы знаем, насколько остр у нас в стране квартирный вопрос. С каждым годом жилья строится больше, но этого все равно еще очень мало для того, чтобы оно стало доступным. В результате и сироты вынуждены ждать в очереди квартиру, свои собственные квадратные метры.

Вот так, то ли из-за резких жизненных поворотов, или по вине родителей, которые частично или полностью не выполняют свои обязательства перед ребенком и обществом, проблемы сопровождают человека, переходя с этапа на этап. Если бы отец и мать его надлежаще воспитывали, дали бы образование, помогли с жильем, ситуация могла бы быть диаметрально противоположной. С другой стороны, человек, как я уже говорил, живет припеваючи, на работу не устраивается, отбирают у него потомство (чему иной даже, возможно, рад — хлопот меньше), затем этим детям бесплатно предоставляется хоть и небольшая, но собственная жилплощадь, а дети добросовестных граждан лишены такой заботы. Вот и получается, что борьба с пьянством, ее искоренение — наша общая проблема, ничья хата тут не с краю, ибо, в конечном счете, касается любого гражданина. Чтобы справедливость восторжествовала.

Есть информация, согласно которой Россия нынче переживает уже третью волну сиротства за последние всего лишь сто лет. Другими словами, детей без родителей сегодня столько же, сколько было во время Великой Отечественной войны. Причин много, но, думаю, можно объяснить одним лишь словом — безответственность. Безответственностью родителей, родственников, близких.

Пока, как видим, есть нужда в детских домах. Однако будет правильно, когда они постепенно будут сокращаться и в один прекрасный день полностью прекратят существование. И это должно произойти не оттого, что госбюджет станет настолько худым, а оттого, что у всех детей будут любящие родители, сердобольные близкие, отличные воспитатели и учителя.

Всегда быть благодарным

Самолет вел себя в воздухе предельно осторожно — за время в час пятьдесят, что мы летели, ни разу не «хулиганил». Было ощущение, будто вообще стоим на месте, перед небесным светофором с единственным красным цветом.

Движение чувствовалось только при подъеме и снижении, наподобие стука мелкого осеннего дождя по крыше, дуновения ветра в стекло, едва слышных в салоне машины с безупречной шумоизоляцией.

А легкий шум и вибрацию во время соприкосновения колес с посадочной полосой в Шереметьево я лично оценил как радостный возглас воздушного судна от новой встречи с землей, не больше того. Словом, полет, говоря официальным языком, прошел в штатном режиме.

И я сидел в ожидании благодарных хлопков в ладоши, которыми обычно пассажиры благодарят летчиков за их умелые действия. Понимаю, конечно, возможности современных бортов, управляемых автопилотом, но все равно ждал их, чтобы с удовольствием присоединиться. Но рукоплесканий почему-то не было. Мне ничего не оставалось делать, как начинать доставать сумку из багажа.

А вот на обратном пути лайнер попался не такой безмятежный, проявлял раздражительность, как не выпавшийся человек. И дело тут, думаю, не только в том, что он уже в довольно преклонном возрасте.

— Командир воздушного судна сообщает о турбулентности, — сообщила через динамики бортпроводница.

Голос у нее был ровный и чистый. И спокойный. Если не сказать: убаюкивающий. Он, как мне показалось, закрыл собой и шум от этих вихревых потоков ветра, вызывающих неприятную болтанку, и колебания замазал. Как в начале зимы снег подравнивает разбитую мерзлую дорогу.

Пошли на посадку. Через иллюминатор видны окрестности Уфы. Снег идет. Хороший такой, приятный.

Сели. Не идеально мягко, но вполне безопасно.

И в этот момент салон громко заплодировал. Если экипаж это слышал, наверное, широко заулыбался, как успешно закончивший свое выступление артист на сцене.

А я подумал о том, что радоваться необходимо не только в связи со счастливым разрешением опасной ситуации, а и в мирное время, когда дела идут гладко сами по себе. За это тоже надо быть благодарным.